
Т.Н. Джаксон

О ВРЕМЕНИ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ: *O'Donoghue H.*
Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time
in Old Norse Literature. L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney:
Bloomsbury Academic, 2021. 224 p.

Рецензируемая книга посвящена времени действия исландских родовых саг и тому, как оно в них представлено. Записанные преимущественно в XIII в., эти саги рассказывают о событиях «века саг», периода с 930 по 1030 г. Анонимный автор и «объективный» рассказчик, которому излагаемая им история известна от начала до конца, проводит своего слушателя/читателя через все перипетии повествования и погружает его во временное пространство своего нарратива, в так называемое «третье время», позволяя ему самому судить о жизни в «век саг».

Ключевые слова: время, исландские саги, событие/история, рассказ/повествование, мир текста, «третье время»

Известный английский специалист в области древнескандинавской литературы Х. О'Доноху опубликовала монографию «Повествование в исландской родовой саге: значения времени в древнескандинавской литературе» (O'Donoghue 2021). Времени в средневековой литературе, и в исландских сагах в частности, уделялось не слишком много внимания в исследовательской литературе, что отмечал в 1982 г. А.Я. Гуревич и с уверенностью повторил через три с половиной десятилетия К. Фелпстед (Гуревич 1982; Phelpstead 2017). В последние годы интерес к этой проблематике среди саговедов, однако, возрос¹, что объясняется, на мой взгляд, их обращением к теории повествовательного дискурса, привнесенной из более широкого поля литературоведения и нарратологии (см.: Джаксон

¹ В частности, в 2020 г. в Праге и Рейкьявике были защищены две диссертации, посвященные времени в исландских сагах и опубликованные в виде монографий: это работы Кр. Краловой «Быстро течет мимолетное время: различные представления о времени в разных древнескандинавских жанрах и их причины» (Králová 2020) и М. Чеолин «Многогранность времени. Исчисление, представление и понимание времени в средневековой Исландии» (Ceolin 2020).

2023). Основными авторитетами в этой связи выступают маститый французский структуралист Ж. Женетт (Genette 1972a; Genette 1972b; Женетт 1998) и один из ведущих представителей французской герменевтики П. Рикёр (Ricoeur 1983–1991). Ж. Женетт выделял «три аспекта повествовательной реальности», а именно «история» (фр. *histoire*, англ. *story*) – «для повествовательного означаемого или содержания», «повествование» в собственном смысле (фр. *récit*, англ. *narrative*) – «для означаемого, высказывания, дискурса или собственно повествовательного текста» и «наррация» (фр. *narration*, англ. *narrating*) – «для порождающего повествовательного акта и, расширительно, для всей в целом реальной или вымышленной ситуации, в которой соответствующий акт имеет место» (Женетт 1998. Т. 2. С. 64). Однако основной акцент в работе Женетта делается на соотношении «времени истории» и «времени дискурса». По утверждению П. Рикёра, «необходима трехуровневая схема: *акт высказывания–высказывание–мир текста*; им соответствуют *время рассказа, рассказываемое время, вымышленный опыт времени*, который создается соединением-разъединением между временем, требуемым для рассказа, и рассказываемым временем» (Рикёр 2000. Т. 2. С. 84). Активным действующим лицом, формирующим «мир текста» и, соответственно, «третье время», выступает в этой схеме повествователь-автор, которого у исландских саг нет. Порой создается впечатление, что саговый рассказ существует сам по себе, а повествовательный голос просто передает его без вмешательства или участия. Роль творческого автора вытеснена, а полная анонимность родовых саг (как и большинства саг других видов) усиливает это впечатление отсутствия.

Исландские саги как жанр, и это признано всеми исследователями, отличает «объективность», суть которой состоит в том, что автор как бы ничего не знает о мыслях, чувствах, переживаниях, планах своих персонажей, он словно бы регистрирует события и факты. До середины прошлого века представление о так называемой эпической объективности саг и объективной нейтральной точке зрения их авторов было господствующим. Однако постепенно было доказано, что объективность саг и отсутствие в них авторского участия – мнимые, что это вполне сознательный прием и что позицию стороннего наблюдателя авторы саг XIII в. заимствуют у устных рассказчиков. Если хорошо присмотреться к текстам саг, то делается очевидным, что автор – со своего места во времени и пространстве – присутствует в саге объяснениями, ссылками, суждениями. Его нарратив оказывается не случайно организованным, а тщательно выстроенным. Такого рода авторскому проникновению в текст саги в третьей четверти прошлого века было посвящено значительное число работ (их обзор см.: Джаксон 1981). Х. О’Доноху отмечает в предисло-

вии к своей книге, что она ставит целью выйти за пределы поверхностного впечатления о незаметном и отстраненном рассказчике и показать, как авторы саг изобретали способы, позволявшие поведать слушателям о внутренней жизни действующих лиц, высказать свои суждения о событиях или персонажах, а также управлять повествовательной линией так, чтобы изобразить хронологическую беспристрастность исторического повествования или хроники. Для этого она использует в первую очередь труды Ж. Женетта. Она также стремится показать, как эта особая роль и позиция рассказчика являются решающим фактором в нашем восприятии того, как авторы родовых саг создавали и представляли время. В этом она опирается на работы П. Рикёра (O'Donoghue 2021. P. 3).

Отправной точкой монографического исследования Х. О'Доноху выступает уверенность в том, что, выстраивая саговый нарратив, его авторы представляли себе и формировали некий временной блок, занимая при этом позицию знания о прошлом, настоящем и будущем, каковую перспективу времени Боэций называл *totum simul*, «всё сразу» (Ibid. P. 3).

Первая глава посвящена тому, что исследовательница называет «внешним (*external*), хронологическим временем». Самые общие временные рамки здесь задает «век саг», *söguöld* (как принято называть период с 930 по 1030 г.), в котором происходит действие исландских родовых саг в целом и который маркируется крупными историческими событиями – завершением заселения острова (начавшегося после 874 г.), принятием христианства (в 999 или 1000 г.)², годами правления отдельных норвежских правителей. Конкретные события в повествовании привязаны именно к ним. Это вовсе не воображаемое время, как нередко бывает, скажем, в сагах о древних временах. Данный большой промежуток времени также часто в конечном счете связан с настоящим временем рассказчика родовой саги, который находится вне повествования и, следовательно, занимает позицию аналогичную позиции читателя или слушателя. Рассказ строится преимущественно в хронологическом порядке. В сагах присутствует акцент на реальном течении внешнего времени – смене дня и ночи, зимы и лета, последовательности календарных циклов, отмеченных как христианскими (например, Пасха), так и дохристианскими (например, Йоль) праздниками. Кроме того, у отдельно взятых родовых саг имеются свои собственные временные и пространственные рамки.

² Эта неоднозначность в датировании одного из важнейших событий в истории Исландии – принятия голосованием на альтинге христианства – обнаружена Оулавией Эйнарседохтир. Проблема заключается в том, что, согласно источникам, альтинг состоялся в *тот же год*, когда, между 9 и 11 сентября, пал в битве у Свёльда норвежский конунг Олав Трюгвасон, но мы не знаем, какой системой летосчисления пользовались Ари Мудрый, Сэмунд Мудрый и Одд Сноррасон: если год для них начинался 24 сентября, то оба события приходятся на 999 г., а если 1 сентября, то на 1000 г. (Ólafía Einarsdóttir 1967).

При этом находящийся за временными рамками повествования рассказчик повествует о завершённом, прошедшем прошлом, и его положение над и вне повествования нередко оказывается очевидным.

Во второй и третьей главах Х. О'Доноху обращается на материале шести родовых саг («Саги о Ньяле», «Саги о Людях из Лососьей Долины», «Саги о Греттире», «Саги о Людях с Песчаного Берега», «Саги о Хравнкеле» и «Саги о Гисли») к анализу того, что Ж. Женетт назвал «игрой со временем» (*game with time*), выделяя для рассмотрения две основные единицы такой «игры» – «продолжительность» (*duration*) и «последовательность» (*order*). «Продолжительность, или длительность», – это несоразмерность между временем, которое события заняли бы в реальной жизни, и тем временем, которое требуется, чтобы рассказать о них. Например, в случае с генеалогическим материалом охваченный временной отрезок относительно велик, а время необходимое для его записи/чтения относительно коротко. «Продолжительность» варьируется от «эллипсиса» (*ellipsis*, по Ж. Женетту) типа «прошло несколько лет» или «краткого изложения» (*summary*) до «сцены» (*scene*) с диалогами (представляющими собой пример изохронии: время действия и сообщения примерно равны) и «паузы» (*pause*), в которых рассказчика саги можно ощутить не просто как абстрактный голос, но как активную силу, формирующую это повествование. Что касается «последовательности», то суть ее в том, что, отходя от естественного, или хронологического, порядка событий, авторы превращают условную фабулу в реальный повествовательный сюжет. Однако в родовых сагах очень мало повествовательной анахронии, и сюжет не сильно отличается от фабулы. Вслед за Ж. Женеттом О'Доноху различает две основные формы анахронии: «пролепсис» (*prolepsis*), при котором событие, которое не должно произойти до определенного момента в будущем, описывается или упоминается заранее; и «аналепсис» (*analepsis*), при котором событие, произошедшее в более ранний момент истории или дискурса, чем настоящий момент повествования, рассказывается или упоминается в более поздней точке повествования. Будущее присутствует в виде пророчеств, предсказаний, обещаний и проч., а прошлое – в воспоминаниях, но всё это происходит в мире повествования, потому что и предсказывают будущее, и вспоминают прошлое сами персонажи саги. Начиная с демонстрации характерных нарративных стратегий родовых саг – отсутствующий рассказчик и хронологическое упорядочение повествования, – О'Доноху останавливает преимущественное внимание в этой части своего исследования на анализе отклонений от данной нормы.

В двух заключительных главах своей монографии Х. О'Доноху рассматривает нарративы избранных ею к анализу шести исландских родо-

вых саг как примеры того, что П. Рикёр называет «третьим временем», а именно временем, созданным самим повествованием. Четвертая глава посвящена, как она это называет, «голосу безмолвного рассказчика». В нем нет «окрашивания», т.е. использования эмоциональных наречий, несущих этическую оценку, нет «интериорности», т.е. всеведения относительно чувств или мотивов поступков персонажей. Повествовательный голос звучит так, словно он просто фиксирует то, что произошло. Именно это создает повествование, которое движется во времени, как кажется, без вмешательства автора или рассказчика, с нередкими уточнениями типа «как говорится». Данные формулы, а также информация о прошлых событиях и редкие намеки на сегодняшний день рассказчика с очевидностью помещают повествовательный голос вне временного диапазона самого рассказа. В пятой главе О'Доноху исследует способы, которыми автор саги, со своей позиции *totum simul*, тщательно скрывает от читателя или слушателя полное знание того, что произошло. Автор саги уже знает, что произошло, но этого не знают не только слушатели/читатели саги, но и герои повествования. Наибольшее внимание она уделяет явлению, обозначенному П. Рикёром как «двойная темпоральность», суть которого заключается в том, что слушатель/читатель саги одновременно со взглядом на текст с точки зрения *totum simul* также проживает и его нарративное время, «третье время», по П. Рикёру. Исследовательница демонстрирует, что безличная позиция авторов саг позволяет их аудитории (слушателям, читателям) погрузиться в «третье» (повествовательное) время и самим судить о жизни в «век саг», ибо саги выступают репрезентацией минувшего прошлого.

Работу Х. О'Доноху отличает необычайная целостность. Все нарратологические теории и методики, примененные ею, работают на то, чтобы продемонстрировать, как авторам саг удастся, сохраняя в общем и целом безличную позицию и фундаментальный статус саг как репрезентации минувшего прошлого, позволить своей аудитории ощутить – без всякого нарративного руководства – текущий момент мира повествования. Ею были взяты к анализу всего шесть родовых саг, но на этом вполне ограниченном материале она провела детальное исследование, методы которого можно будет в дальнейшем применить к древнеисландской прозе других видов и жанров.

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1982. [*Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury (Categories of Medieval Culture). 2-e izd. Moscow, 1982.*]
- Джаксон Т.Н. О творческой активности автора «Хеймскринглы» (Проблема авторского присутствия в повествовании) // ДГ. 1981 год. М., 1983. С. 147–174. [*Jackson T.N. O tvorcheskoy aktivnosti avtora «Heimskringly» (Problema avtorskogo prisutstviya v povestvovanii) (On the Creative Activity of the Author of “Heimskringla” (The Problem of the Author’s Presence in the Narrative)) // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. 1981 god. Moscow, 1983. S. 147–174.*]
- Джаксон Т.Н. Саги во времени и время в сагах: попытка историографического обзора // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14. Вып. 12 (134). Ч. 1. <https://ras.jes.su/history/s207987840028467-2-1>. [*Jackson T.N. Sagi vo vremeni i vremya v sagah: popytka istoriograficheskogo obzora (Sagas in Time and Time in the Sagas: an attempt at a historiographical review) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2023. T. 14. Vyp. 12 (134). Ch. 1. https://ras.jes.su/history/s207987840028467-2-1.*]
- Женетт Ж. Фигуры / Пер. Н.В. Перцова. М., 1998. Т. 1–2. [*Genette G. Figury (Figures) / Per. N.V. Pertsov. Moscow, 1998. T. 1–2.*]
- Рикёр П. Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе / Пер. Т.В. Славко. М.; СПб., 2000. Т. 1–2. [*Ricoeur P. Vremya i rasskaz. Konfiguracii v vymyshlennom rasskaze (Time and Story. Configurations in a Fictional Story) / Per. T.V. Slavko. Moscow; St. Petersburg, 2000. T. 1–2.*]
- Ceolin M. The Multiple Facets of Time: Reckoning, Representing, and Understanding Time in Medieval Iceland. Dissertation towards the degree of Doctor of Philosophy. University of Iceland. School of Humanities. Faculty of Icelandic and Comparative Cultural Studies. Reykjavík, 2020.
- Genette G. Discours du récit. P., 1972. (a)
- Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method / Tr. by J.E. Lewin. Ithaca; N.Y., 1972. (b)
- Králová K. Fast Goes the Fleeting Time: The Miscellaneous Concepts of Time in Different Old Norse Genres and Their Causes. München, 2020. (Münchner Nordistische Studien; 39).
- O'Donoghue H. Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time in Old Norse Literature. L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney, 2021.
- Ólafía Einarsdóttir. Árið 1000 // Skirnir. 1967. No. 141. Bls. 128–138.

Phelpstead C. Time // The Routledge Research Companion to the Medieval Icelandic Sagas / Ed. by Ármann Jakobsson and Sverrir Jakobsson. L.; N.Y., 2017. P. 187–197.

Ricoeur P. Temps et récit. P., 1983–1991. Vol. 1–3.

Tatjana N. Jackson

ON TIME IN THE ICELANDIC SAGAS: O'Donoghue H. Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time in Old Norse Literature. L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2021. 224 p.

The book under review is devoted to the time of action of the Icelandic family sagas and demonstrates how it is presented in them. Written down mainly in the thirteenth century, these sagas tell about the events of the “saga age”, a period from 930 to 1030. The anonymous author and “objective” narrator, who knows the story he tells from beginning to end, leads his listener/reader through all the vicissitudes of his story and immerses him in the temporal space of his narrative, the so-called “third time”, enabling him to judge life in the “saga age”.

Keywords: time, Icelandic sagas, event/story, narrative, text, the “third time”

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-397-403